

Городские картинки



*Пустынных улиц мертвенная бледность,
и ветер, разгоняя пыль, несет в скаль.
Ах, Боже мой, какая же нелепость —
жить в городе Ста Тысяч Неудач!*

*Ему людские горести постылы.
Ни крик отчаянья не слышит он, ни плач.
Не достучаться никакими силами
до города Ста Тысяч Неудач.*

*Свои ловушки всюду расставляет
надежд бессвязных опытный палач.
И ангелы с испугом отлетают
от города Ста Тысяч Неудач.*

*Страдающим от губельных недугов
нет помощи — бессилен тут и врач.
Они бредут по замкнутому кругу —
по городу Ста Тысяч Неудач.*

*Но избавленья есть — так многим верится —
за городом, уж за чертою дач.
Вздор! Унесут с собой вживленный в сердце
кусочек города Ста Тысяч Неудач...*

1. Такие разные диалоги

— Опять я никуда не еду в отпуск! А так хотелось бы куда-нибудь на край земли! И чтобы все-все было другим — и деревья, и здания, и даже небо другого цвета!

— Пальмы, море и песок?

— Все равно! Главное — чтобы ни-че-го не напоминало о доме.

— Так тебе надо в Африку. Чтобы уж и люди были другого цвета.

— Люди? Причем тут люди?? Я говорю об этом проклятом городе...

Выезд из города. На обочине дороги, прямо напротив перечеркнутой таблички с его названием — могила. Машины пролетают мимо на большой скорости. Памятник над могилой холмиком еще не установлен, и пожилая женщина, которая приходит сюда поплакать, развешивает на ветки дерева веночки и цветные ленточки.

— Во, смотри-ка, еще один дохлач! — показывает в сторону могилы водитель «Жигулей», — несется как бешеные... Его жена согласно кивает, но попутчик с заднего сиденья не соглашается:

— Нет, это особый случай. Он был обыкновенным неудачником, боролся со своей судьбой как мог, а однажды не выдержал и решил уехать. Начать все заново. Никому ничего не сказал, ничего не взял с собой... Только вот не удалось ему уехать — не выпустил его город живым.

— Не могу я так больше! — она отвернулась к окну и нервно закурила, — не приживусь я тут, плохо мне здесь, тягостно.

— Но ведь я люблю тебя! У нас ведь все хорошо, мы наконец вместе. Что же случилось? — он растерянно застыл в дверном проеме.

— Не знаю. Плохо мне. Словно дышать нечем. Никогда со мной раньше такого не было, — и, резко обернувшись, с мольбой, — давай уедем отсюда!

Давай уедем, я хочу забыть навсегда этот кошмар, этот ужасный город!..

— Ты знаешь, Лидочка, он вернулся таким посвежевшим, отдохнувшим, прямо помолодел, а теперь все снова — и хворают, и хворают, спасу нет, — и седенькая старушка ухватила покрепче одной рукой за поручень автобуса, а другой — за рукав собеседницы.

— Может, не климат ему тут? — неуверенно предположила та.

— Да какой там «не климат»? Он ведь и родился здесь, и всю жизнь прожил, а теперь вот вдруг «не климат». Город, видимо, у нас такой.

— Какой это? Обычный город.

— Ну, не скажи, — и старушка замолчала, медленно закивала головой, крепко о чем-то задумавшись...

... Город вольготно раскинулся под пламенеющим закатным небом, расправил свои многокилометровые улицы, потянулся к небу многоэтажками. В этот вечерний час ничто не мешало ему слышать и чувствовать в своих недрах каждого жителя со всеми их потаенными мыслями и невысказанными желаниями. И Город жил, управляя этими живыми существами по своему вкусу и усмотрению — как мог, как хотел.

2. В час пик

... Это было в час пик, в мутной толчее трамвая. Ветерок, прорывавшийся в раскрытые форточки, не дарил свежести, а только разносил по всему вагону дурной запах пота, чеснока и дешевого одеколона.



Графика А. ШИМАНОВА

... Она упирались обеими руками в стекло, прижатая с двух сторон массивной тёткой и худосочным плюгавеньким мужичишкой. Зной душил ее, набегающая волной. Почувствовав вдруг какое-то волнение, она обернулась и увидела шагах в четырех от себя мужчину: светлая рубашка, загорелая шея, спокойное, почти бесстрастно лицо. Глаза их встретились, и она прочитала в его взгляде усталость, сквозь которую, однако, проглядывал интерес. «Нет, это не то... не тот», — промелькнуло у нее в голове, и она отвернулась.

... Он возвращался с работы, как всегда опустошенный и разбитый, как всегда обруганный и затёрканный в шумном трамвае. Невдалеке от него прижатая к окну женщина тянулась к форточке, подставляя лицо ветру. Он видел ее тонкие руки, легкую блузку и копну русых волос. Она вдруг обернулась. Лицо ее выражало какую-то восторженную усталость и озабоченность. В глазах вдруг скользнула заинтересованность, но тут же сменилась равнодушием. Он отвернулся и пожал плечами.

На остановке людской поток вынес с их из трамвая. Лишь на миг руки их соприкоснулись, но уже через минуту они оба потонули в гудящей серой толпе.

... Это было в час пик, в мутной толчее трамвая. Сама Судьба предназначила этим людям быть вместе. Они встретились — но не узнали друг друга.

3. На площади

День был пасмурный и сырой. Крупные капли дождя плыли на зонтах редких прохожих и мочили без того уже мокрый асфальт. На углу неуютной площади стояли двое. Он и она.

Эти люди смогли найти друг друга в бешеной круговерти большого города, смогли

из тысяч лиц узнать единственное, среди тысяч голосов различить неповторимый.

В тот день все было у них как обычно — свидание, цветы. Не было лишь обычной радости на лицах. И вот — упрек — еще один — резкий ответ — слезы — цветы под ноги. И — удаляющийся стук каблучков.

... Он смотрел ей вслед и думал: «Догнать?! Если она уйдет, то навсегда. Может, оглянется? Вернется? Нет... Уйдет».

... Она медленно шла через площадь: «Сейчас. Вот сейчас он догонит меня, положит руки мне на плечи... Если нет — то все, это навсегда. А вдруг он просто развернется и уйдет?! Да. Он уйдет».

— Ушла!!

— Ушел!!

... На углу опустевшей неуютной площади капли дождя, как гвозди, вбивали брошенные цветы в мокрый асфальт.

4. Одиночество

Наряду с редкими радостями были в Ее жизни и частые печали, но случившаяся беда потрясла все основы, молнией расколола надвое само бытие. Она как-то потухла сразу, двигалась по дому будто во сне, натыкаясь на стулья и диваны. Побледневшее лицо ее было бесстрастно, лишь в глазах плескалась бессильная одинокая боль.

Казалось, никогда не покинет она душные зашторенных комнат, и точно, не покинула бы, не плати мы, люди, издревле дань суете и будням. Заплатила эту дань и Она, отправившись однажды по очередному какому-то делу через весь город.

На улицах люди с назойливой заинтересованностью заглядывали ей в лицо. Она заметила это вскоре, закусила губу досадливо, и уже через пару минут любопытствующие вместо кровотокащих озер встречали на лице ее отточенные холодные клинки. Голова Ее была теперь гордо вскинута, и улыбка легкой волной набегала на губы.

... Выжженную пустыню, знойную и пыльную, черной змеей разрезала вязкая застывшая река. По берегу ее металась Женщина, утирая

— Привет! Мадемуазель, как Вы сегодня интересно бледны!

— А Вы, как всегда, несносно остроумны...

— Почему ты такая мрачная? Что-то случилось? — взгляды его были пристально-участливы, как у врача, и был он сейчас бесконечно близок и бесконечно далек. Ей вдруг захотелось прижаться к его плечу и тихо заплакать, вдруг захотелось его жалости, нежности. Ее глаза ожили было, но уже в следующий миг он был насквозь пронзен безжалостно-ледяными клинками:

— О, нет, сэр, к чему вам мои проблемы? Извини, я не привыкла плакаться в твою жилетку. Тороплюсь — пока!

И они разошлись в разные стороны.

... Задыхаясь от пыли и слез, Женщина в разорванных белых одеждах бежала по берегу, протягивая руки к удаляющейся фигуре. Ноги ее были изранены острыми камнями, глаза догнаны горем, грудь тяжело вздымалась. Она выкрикивала в отчаянье мольбы и заклинания — безнадежно, бесвязно, и ветер безжалостно рвал ее распущенные волосы.

5. В автобусе

— Такую женщину, как Вы, нужно долго завоевывать. Разрешите мне попробовать.

Она вздрогнула и медленно, медленно обернулась. Рядом, держась за поручень, стоял юноша, почти мальчик, и робко улыбался. Людей в автобусе было немного, и большинство из них с любопытством прислушивались, ожидая продолжения. Она хотела сказать мальчику что-то резкое, ироничное, но встретилась с ним глазами и замерла. Столько было в его взгляде неподдельного, искреннего восхищения, что мысль об отповеди юноше нахал тут же улетучилась. Он ждал. Она вздохнула:

— Господи, ну почему ты так молод?! —

— Я Вас чем-то обидел? — он был явно смущен.

— Нет, что ты. Просто грустно. Спасибо тебе.

— За что?

Печальная улыбка была ему ответом.

Она вышла на следующей остановке, он — через одну. Пожилая тетка тут же повернулась к своей соседке:

— Нет, Вы видели? Она ж лет на десять его старше! Вот таких мальчишек с толку и сбивают, вон она как на него смотрела-то! А те дурни потом бесятся всю жизнь, от жен гуляют.

Соседка в ответ промолчала, зато откликнулся стоящий рядом мужик:

— А что? Шикарная баба. Я б тоже... вот, кабы не жена...

Вокруг заулыбались, перекинулись еще двумя-тремя фразами, да забыли.

... Он шел по улице, вглядываясь в лица своих ровесниц. Нечистая кожа, неуемно наложенная дешевая косметика, залакированные челки, пустые глаза. Сколько знакомств, сколько надежд, и всегда — одно и то же. Ни одна из них не умеет поддержать разговор, ни одна не умеет быть интересной, привлекательной. Перед глазами все еще стояла Она. Элегантная, ухоженная, чувственная... Настоящая женщина! А какие необычные, чарующие духи! И голос — тихий, низкий... И грустная-грустная улыбка, и усталые глаза. «Неужели такая женщина — и несчастлива?» — подумалось ему.

... Она остановилась на лестничной площадке и, поправив волосы, позвонила. Дверь открыла подружка: «Проходи, я еще не готова. Сейчас оденусь и пойдем». Они болтали о пустяках, а в голове ее все еще звучали эти странные волнующие слова: «Такую женщину, как Вы...» Какую? Она машинально подошла к зеркалу. Задумалась. Нет, никто ее не завоевывал. Даже и не пытался. Все предпочитали легкие победы, а ее недоступный вид, ее независимость только отпугивали мужчин. Она давно уже ничего и никого не ждала. Так бывает иногда, так бывает... И ни при чем тут ее ум, и красота, и манеры.

— Ты меня слышишь? Пойдем, — голос подружки вернул ее к реальности.

— Да. Сейчас, — и она, грустно улыбаясь, припудрила невидимую, одной ей заметную морщинку.



слезы распущенными волосами и разрывая на себе длинные белые одежды. Горе ее было безмерно, древне, вечно, и безмерен был крик ее, разносимый по пустыне злорадным ветром вместе с раскаленной пылью...

Ожидая, когда мощный, ревущий поток машин пронесется мимо, в многоэтажную даль, Она заметила вдруг на той стороне давнего своего приятеля.